

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

ТУЛЬСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ДЕМИДОВЫХ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

И.Н.Юркин

Связи известных горно- и металлопромышленников России Демидовых со старой верой и ее адептами давно привлекали внимание исследователей. На демидовских предприятиях и вблизи них жило и трудилось немало старообрядцев — так, по переписи 1736 г. только на уральских заводах их насчитали 1861 душу обою пола (1). Неоднократно обращалось внимание на факты не просто терпимого отношения к ним заводладельцев, но и явного покровительства им (2). Практическая польза такого сотрудничества очевидна для обеих сторон: старообрядцы были умельцами и честными работниками, да к тому же еще и гонимыми — доброе отношение к себе они отработывали сторицей.

Вместе с тем, нельзя было исключить, что политика Демидовых в отношении приверженцев старой веры определялась не только меркантильными соображениями. И современники, и потомки не раз задавались вопросом: а не были ли сами они «потаянными» старообрядцами? Особое внимание в этом плане привлекали двое Демидовых: Акинфий Никитич (1678-1745 гг.) и его младший сын Никита (1724-1789 гг.). Некоторых исследователей анализ материала склонил к утвердительному ответу: да, вероятно, были. Со страниц научных работ версия приверженности первых Демидовых старой вере проникла в научно-популярную и художественную литературу (3).

Такого рода предложения высказывались еще при жизни первых поколений демидовского рода. Известно о следствии по поводу подозрения в причастности к расколу Никиты Акинфиевича Демидова и его матери, вдовы Акинфия Демидова, которое велось в период раздела наследства последнего (4). От подозреваемых потребовали предоставления подробных сведений, когда и у кого они были на исповеди. И, несмотря на благоприятный для них исход дела, Демидовы получили предупреждение, что в случае, если их принадлежность к расколу подтвердится, полагающейся доли наследственного имущества они будут лишены (5).

Ценные сведения о связях Демидовых с выговскими старообрядцами сохранило дополнение к «Ис-

тории Выговской старообрядческой пустыни» И.Филиппова. Здесь, в частности, освещена деятельность Гаврилы Семенова, бывшего одним из связующих звеньев между Демидовыми и Выгом, — рудознатца и приказчика («главнонадсмотрителя») Тагильских заводов. По словам неизвестного автора дополнения, за труд на них, а также обнаружение «зело прибыточных руд» и основание близ них новых заводов, Семенов был «много всеми вещьми опрезетован, и чрез онаго прошение общежителное братство от Демидова по премногу одолжено бысть». Из этого же источника узнаем о посылке Н.А.Демидовым в Выговскую пустынь колоколов «с прекрасным звоном», о том, что после пожара в Лексинском девичьем монастыре он даровал погорельцам «много имения», «которые сооружиша бедным сиротам многия на вселения храмы» (6).

Аргументы в пользу положительного ответа на вопрос о тайной принадлежности Демидовых к расколу, согласимся, достаточно сильные. И, тем не менее, перед нами лишь косвенные улики. Каждый из приведенных фактов можно истолковать как свидетельство заинтересованности Демидова в деловом сотрудничестве со старообрядцами, личного расположения к отдельным его приверженцам и т.д. Между тем, окончательное разрешение вопроса, без сомнения, многое смогло бы прояснить в истории жизни и деятельности не только самого Н.А.Демидова, но рода, к которому он принадлежал. Исследования должны быть продолжены, и они продолжаются.

Но у проблемы есть один аспект, исследователями практически не затронутый. Нарботанный материал касается, в основном, связей Демидовых с крупными центрами старообрядчества — такими, как Выг и Поволжье. Но по происхождению Демидовы — туляне: до 1702 г. — постоянно живущие в Туле, после же в течение более полувека сохраняющие с ней теснейшую связь. В Туле оставались их родственники: Антюфеевы, Володимировы, Даниловы, Коробковы, Красильниковы, Пальцовы, Пастуховы. До середины XVIII столетия работал Тульский доменный и передельный завод — первый завод, еще в середине 90-х гг. XVII в. построенный на реке Тулице основателем династии и перешедший после его смерти во владение потомков: сначала Акинфия, потом его среднего сына Георгия и, наконец, внука Александра Григорьевича. Акинфий Никитич и после переселения на Урал неоднократно приезжал в Тулу и подолгу здесь жил. Имеются многочисленные сви-

детельства тесных контактов с тулянами и Никиты Акинфиевича Демидова.

Учитывая это, допустимо поставить вопрос: а не сыграл ли какую-то роль в сближении Демидовых со старообрядчеством тульский период их биографии? Некоторые аргументы в пользу правомерности и необходимости его постановки изложены в настоящей статье.

Тульские корни старообрядческих симпатий Демидовых автор попытался нащупать, исследуя контакты (фактические и потенциальные) с носителями старой веры окружавшей их (Демидовых) среды. Прежде всего изучалась та сословная группа тульского населения, к которой Демидовы длительное время принадлежали — оружейники. Ситуация анализировалась по состоянию на третью четверть XVIII в. — тот период, к которому относится деятельность Демидова, контакты которого с выговскими старообрядцами были охарактеризованы выше. При этом использовались документальные материалы, ранее в данном контексте не рассматривавшиеся: исповедные росписи тульских церквей и переписка местных учреждений, связанная со сбором двойного подушного оклада, которым были обложены старообрядцы. Документы извлечены из фондов 187 (Первый тульский оружейный завод) и 1770 (Коломенская консистория) Государственного архива Тульской области (ГАТО).

Разумеется, архивные ведомости и реестры этого времени содержат сведения только о так называемых «записных раскольниках», то есть лицах, официально объявивших о своей приверженности к старой вере. Действительное их число было, несомненно, большим (7). Но полезную информацию, на наш взгляд, можно извлечь и из заведомо неполных данных церковной статистики.

Итак, попытаемся ответить на несколько вопросов.

Первый. Были ли старообрядцы среди тульских оружейников?

Обращение к исповедным росписям середины 70-х гг. XVIII в. выявляет довольно многочисленные случаи присутствия среди записных раскольников лиц, названных казенными кузнецами, другими словами — оружейников. Так, согласно росписям 1775 г., оружейники-староверы были в приходах церквей: Преображенской — 9 душ (здесь и далее — обою пола), Рождества Христова, что в Ямской слободе — 6 душ, Рождества Богородицы в Гончарной слободе — 4 души, Рождества Христова, что в Чулковой слободе — 3 души, Никитской (Староникитской) — 2 души, Владимирской Богоматери, что за Земляным валом — 1 душа (8). Старообрядцы той же сословной группы были в приходах и других церквей, в частности, Троицкой и Успенской (9).

Вопрос второй: В какой степени старая вера была распространена среди казенных кузнецов по сравнению с другими городскими сословиями?

За отсутствием в нашем распоряжении полных

комплектов исповедных росписей, пересчитать всех записных старообрядцев из числа оружейников не удастся. Попробуем воспользоваться другими — не чисто сословным, а сословно-территориальным способом оценки.

В рассматриваемый период оружейники Тулы жили не только в получившей названия от их профессии слободе, но, практически, по всему городу. Наиболее значительной их плотность была в тульском Заречье — районе, состоявшем из трех слобод: Оружейной (являвшейся местом компактного их проживания), Ямской и Гончарной. Слободы имели четыре храма: Вознесенский, Георгия, что в Казенной слободе, Рождества Христова, что в Ямской слободе, и Рождества Богородицы, что в Гончарной слободе (вариант — в Гончарах).

По данным Экстракта духовным росписям за 1776 г., в Туле в это время было 3258 дворов, в которых проживало 9945 душ муж.п. и 10173 душ жен.п., всего 20118 душ прихожан. Приходы зареченских храмов охватывали примерно треть городского населения: 35,2 % от числа душ обою пола и 31,6 % от числа дворов (10).

Каково же было положение в этих приходах со старообрядцами?

Из официально объявивших о своей приверженности к старой вере в Туле в это же время проживало 109 лиц мужского пола и 94 женского, всего — 203. В исповедные росписи приходов зареченских церквей внесено 42 старовера — 20,7 % от общего по Туле числа записных (11).

Итак, согласно церковной статистике, старинное гнездо оружейников, тульское Заречье середины 70-х гг. XVIII в. — это треть городского населения и всего лишь пятая часть старообрядцев. Отсюда вывод, который, несмотря на явную ущербность этой статистики, по нашему мнению, сделать все-таки можно: наиболее плотно заселенный оружейниками район города к числу районов наибольшего распространения старой веры, по-видимому, не принадлежал. Вывод, в определенной степени позволяющий судить и о сравнительной распространенности старообрядчества в среде собственно оружейников.

Заметим, впрочем, что число староверов в конкретных приходах, взятое в отношении к численности последних, колебалось очень сильно: от 0,9 % от числа прихожан в приходе храма Георгия, что в Казенной слободе, до 0 % в приходе Вознесенской церкви (12). При этом, Георгиевский приход, самый большой из зареченских (здесь по состоянию на 1776 г. проживало 12,9 % — 1/8 доля прихожан всех тульских церквей), являлся местом жительства 11,3 % от числа записных старообрядцев Тулы. Как видим, по отдельным зареченским приходам число живущих в них староверов средним для города цифрам вполне соответствовало.

Наконец, третий, наиболее интересный вопрос. Правомерность его постановки обусловлена тем оче-

видным обстоятельством, что всякий достаточно старый, укоренившийся в конкретном селении, в данном случае — городе, род находился в многообразных, сложных связях с большим числом других родов того же города. В этих условиях конфессиональная характеристика родового окружения Демидовых весьма важна — нам не безразлично, были ли старообрядцы среди фамилий, их окружавших. Даже если непосредственные, прямые связи между несомненными старообрядцами и ими в конкретном случае не прослеживаются, далеко не безынтересно, не было ли среди заведомых старообрядцев представителей фамилий, контактировавших с Демидовыми через других членов рода.

Итак, вопрос. Представители каких именно фамилий, в первую очередь из числа оружейных, входили в число записных старообрядцев?

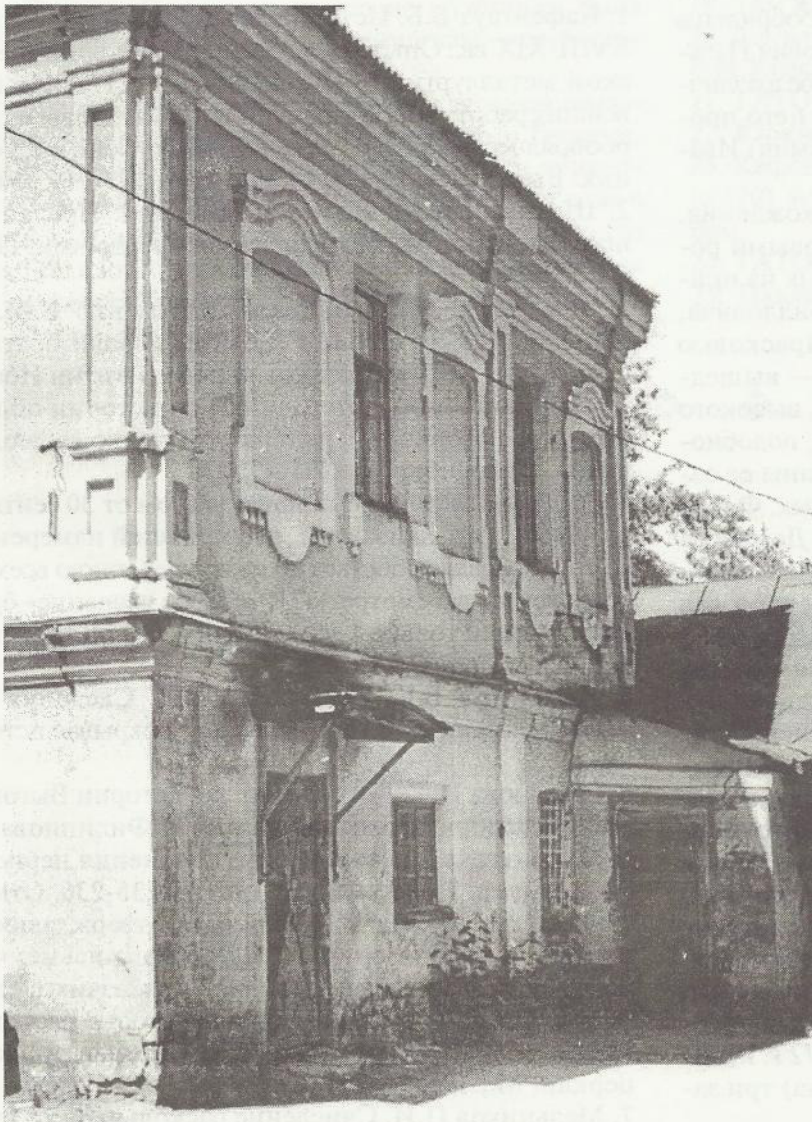
Отсутствие в нашем распоряжении полного комплекта исповедных росписей на определенный год не позволяет выявить всех без исключения записных старообрядцев города. Тем не менее, из росписей 1775 г. извлекаем следующие 11 фамилий старо-

обрядцев-оружейников: Алпатовы, Баташевы, Белобородовы, Дворниковы, Деевы, Жилины, Личвановы, Ножевниковы, Пановы, Стрельниковы (13).

Присовокупим к ним материал, относящийся к несколько более раннему времени — 50-м гг. XVIII в. Во-первых, это фамилии, извлекаем из составленного в Тульском духовном правлении реестра душ, перешедших из раскола в православие в 1750-1756 гг. — реестра, в котором в отношении включенных в него лиц прямо указано, что они находятся в ведомстве Оружейной канцелярии, следовательно, являются оружейниками. Документ включает 9 фамилий: Гнидиных, Иванькиных (Ваныкиных), Кирьяновых, Костентиновых, Котел(ь)никовых, Маликовых, Плехановых, Свечниковых, Татариновых (14).

Наконец, еще один именной список — тех старообрядцев ведомства Оружейной канцелярии, которые продолжали платить двойной оклад по состоянию за 1758 г. Дополнительно к приведенным выше он включает 14 фамилий: Агурцовых, Борановых, Вешниковых, Володиных, Зенцовых, Комаевых, Косолаповых, Кураковых, Макарищевых, Рукавкиных (Рукавниковых), Сандачевых (Садачевых), Ситовых, Одоевцовых, Черноговских (15).

Из трех с половиной десятков родов, проходящих по приведенным спискам, наибольший интерес представляет фамилия Баташевых. Баташевы — старинный тульский род оруженного происхождения, представители которого на протяжении XVII- начала XVIII в. неоднократно были старостами Тульской оружейной слободы. Они — потомственная верхушка сословия (16). Один из Баташевых, Иван Тимофеевич (ум. не ранее 1734 г.), основатель мощной промышленной династии, был соседом создателя другой предпринимательской династии — Никиты Демидовича Антюфеева (будущего Демидова) и некоторое время, по-видимому, даже его приказчиком. Вполне по-приятельски Демидов оказал Баташеву важную услугу: оформил на свое имя одну невозможную для того (из-за юридических ограничений) сделку (17). К середине XVIII в. род Баташевых сильно



Старообрядческая молельня XVIII века на ул. Братьев Жабровых (бывш. Георгиевской) в Туле.

Фото 1995 г.

разветвился, что затрудняет установление связи Григория Григорьевича Баташева, упомянутого среди старообрядцев, с линией, идущей от Ивана Тимофеевича. Тем не менее, появление фамилии Баташевых в списках тульских старообрядцев весьма симптоматично. Заметим, что в том же приходе был еще один старообрядец из этого рода. Баташев Илья Никифорович, на этот раз — посадский (18).

Автор не располагает сведениями о скольких-нибудь тесных контактах с Демидовыми представителей прочих родов записных старообрядцев. Зато останавливают внимание имена отдельных посадских, а также некоторых лиц, чья сословная принадлежность в документах не уточнена. Не приводя здесь полных списков староверов из этих сословных групп, назовем фамилии, представляющих интерес в плане обсуждаемой темы.

В приходе церкви Казанской Божией Матери в 1775 г. было всего 4 записных старообрядца (19). Трое из них — Козьма Павлович, Лукьян Андреянович и Иван Иванович — принадлежали к роду Коробковых, родственников Акинфия Демидова по линии его первой жены, Авдотьи (Евдокии) Тарасовны, урожденной Коробковой. Четвертый старообрядец в этом приходе — некий Малафей Никифорович Пальцов — представляет род, также далеко не безразличный Акинфий Никитичу и его детям: из него происходила его вторая жена, Афимья (Евфимия) Ивановна (20).

Из старообрядцев посадского происхождения, принадлежавших к связанным с Демидовыми родам, назовем также троих Володимировых из прихода церкви Преображения: Фаддея Кирилловича, Никифора Никифоровича и его жену Прасковью Ивановну (21). По всей видимости, они — вышедшие в купечество представители старого, высокого по положению в Оружейной слободе рода, подобно Баташевым, не раз возглавлявшие органы ее самоуправления (22). Один из Володимировых, Федор Петрович, был женат на дочери Акинфия Демидова и в качестве его приказчика выполнял ответственные поручения хозяина в Петербурге — торговал здесь железом (23).

Следует отметить и обнаруженного в списках записных раскольников Василия Васильевича Лугинина, упомянутого в исповедных росписях прихода Староникитинской церкви (24). Лугинины — один из крупнейших купеческих родов Тулы, в последней трети XVIII в. вступивший на стезю промышленного предпринимательства. В это время они (в лице Лариона Ивановича Лугинина и его потомков) довольно активно приобретают и строят металлургические (железные и медные) заводы. В интересующем нас плане немаловажно, что Лугинины были не только знакомы, но и состояли в деловых отношениях с Демидовыми, в частности, в 1772 г. купили у одного из них (Прокофья Акинфиеча) три завода (25).

Взятые в совокупность, изложенные материа-

лы рисуют, на наш взгляд, довольно любопытную картину. Статистика показывает, что среди оружейников старообрядцы имелись, хотя численность в этой среде, вероятно, не прывышала средней по городу, а, может быть, была и меньшей. Но обстановка вокруг Демидовых от среднестатистической отличалась. Демидовский род, публично старую веру не исповедовавший, был окружен плотным кольцом родственных ему тульских фамилий, в составе которых были старообрядцы. Причем, записные, то есть явные, что, надо полагать, повышает вероятность существования в данном родственном окружении старообрядцев «потасных».

Итог, как видим, не отвечающий на вопрос, были ли Демидовы старообрядцами, но, несомненно, влияющий на выбор окончательного ответа.

Автор выражает признательность Е.М.Юхименко за ценную консультацию в ходе работы над материалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.-Л., 1949. Т. I. С.177; Из новейших работ см.: Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядчество в XVIII веке // Демидовский временник. Вып. 1. Демидовский институт, 1994. С.30-64.
2. Шакинко И.М. Невьянская башня: Предания, история, гипотезы, размышления. Свердловск, 1989. С.232, 268-270 и др.
3. Там же. С.232. См. также Юхименко Е.М. К вопросу о связи Сибири с Выгом и роли братьев Семеновых (новонайденное «Слово о житии Иоанна Выгорецкого») // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С.227.
4. Раздел наследства был начат указом от 30 сентября 1745 г. имп. Елизаветы, сообщившей намерение «о том... разделе собственно своею персоною всемирно-любовнейше рассмотреть». В «особое владение» братья вступили только 1 мая 1758 г. — См.: Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.237, 238.
5. Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.237. Сведения об этом следствии автор сообщает, не раскрывая источника.
6. Гурьянова Н.С. Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С.235-236. Отметим, кстати, мнение В.Н.Татищева, утверждавшего в 1736 г. в направленном в Петербург письме, что на заводах Демидова и Осокина «приказчики, едва не все, и сами промышленники некоторые раскольники». — См.: Никольский М.Н. История русской церкви. М., 1983. С.241.
7. Мельников П.И. Счисление раскольников // Полное собрание сочинений П.И.Мельникова (Андрея

- Печерского). Т. XIV. СПб. — М., 1898. С. 361.
8. ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 4773. «Исповедные росписи церквей г. Тулы за 1775 г». К указанным приходам в это время принадлежали старообрядцы-оружейники следующих фамилий: Рождества Богородицы в Гончарной слободе — Пановы (1 м.п./ 0 ж.п.) и Алпатовы (2/1), всего 4 души об.п. (л. 167об.); Рождества Христова, что в Ямской слободе — Жилины (5/0) и Баташевы (1/0), всего 6 душ (л. 309); Староникитской — Деевы (1/0) и Личвановы (1/0), всего 2 души (л. 143); Преображенской — Белобородовы (1/2), Батищевы (1/1), Стрел(ь)никовы (1/0), Ножевниковы (1/0), Дворниковы (1/1), всего 9 душ (л. 253об.). В приходах церквей Рождества Христова, что в Чулковой слободе, (3 души) и Владимирской Богоматери, что за Земляным валом, (1 душа) (л. 195об., 177об.) фамилии старообрядцев из указанных кузнецов в источнике не указаны — только отчества.
9. Там же. Л. 82, 102.
10. ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 4983. «Экстракты духовным росписям 1776 года». Л. 3об.-5.
11. Там же. При этом, цифра по мужчинам была несколько выше: 25,7 %, по женщинам — соответственно, ниже: 14,9 %.
12. Точные цифры для зареченских церквей по состоянию на 1776 г. таковы. В приходе ц. Георгия, что в Казенной слободе, при численности приверженцев официальной церкви 258 душ обоего пола в записных раскольниках числилось 23 человека, что составляло 0,89 % от числа прихожан. В приходе ц. Рождества Христова, что в Ямской слободе, на 1899 прихожан — 15 душ (0,79 %). В приходе ц. Рождества Богородицы, что в Гончарной слободе на 1385 — 4 души (0,29 %). А в приходе ц. Вознесения (1206 душ прихожан об.п.) старообрядцев вообще не числилось (см. там же, л. 4об.-5).
13. ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 4773. Л. 143, 167об., 253об., 309.
14. ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 99. «О взыскании с раскольников подушных денег». Л. 30об., 31, 39об.
15. Там же. Л. 31об.-32. В скобках — варианты написания по аналогичному списку, помещенному в том же деле на л. 46об.-47. Кирилла Филатович Зенцов платил двойной оклад только до 1756 г. включительно.
16. Юркин И.Н. Старосты Кузнецкой олободы г. Тулы в XVII- начале XVIII вв. //Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае. Тула, 1994. С. 45-46, 48-50.
17. Павленко Н.И. История металлургии В России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 117.
18. ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 4773. Л. 309.
19. Там же. Л. 25об.
20. Демидовы. Родословная роспись /Составит. Е.И.Краснова. — Екатеринбург, 1992. С. 7.
21. ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 4773. Л. 253об.
22. Юркин И.Н. Указ. соч. С. 45, 48, 49.
23. Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 275. По его данным (с. 170) этот Володимеров числился тульским купцом.
24. ГАТО. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 4773. Л. 142об.
25. Павленко Н.И. Указ. соч. С. 89.

